

Партизаны

Петр Санников

Петр Санников

Партизаны

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70448614

SelfPub; 2024

Аннотация

Рассказ написан по воспоминаниям отца о гражданской войне в Алтайском крае, о действительно происходивших событиях.

Петр Санников

Партизаны

Глава 1

Ранним летним утром в селе Баево, на берегу Кулунды, с обеих сторон дороги у самого моста, солдаты рыли окопы. День обещал быть жарким. Некоторые согрелись настолько, что скинули гимнастерки, спины блестят от пота. Офицер в полной форме при полевых погонах подгоняет нерадивых, тревожно поглядывает на дорогу за речкой, на дальние березовые колки.

Степка стоит возле плетня огорода в нескольких шагах от окопа. Время от времени молодой сухощавый солдат покрикивает на него: «Уходи домой. Уходи, а то тебя убьют». У солдата кисти рук и лицо загорели до черноты, тело, не видевшее солнца, иссиня белое. Мальчишка молчит, думает про себя: « Вот пристал. Меня –то за что убивать? Вы воюйте, а я тут постою в сторонке, посмотрю».

Прибежала мамка. Такой сердитой он её ни когда еще не видел – покраснелась вся, запыхалась. Схватила упирающегося сына за руку, потащила домой. « Бегом, я сказала. Бегом! Хочешь что бы тебя убили?»-« Ну вот, и мамка туда же. Зачем меня–то убивать?»

Боя в этот день однако не случилось, а на следующий день

белых в селе уже не было. Говорили, ночью ушли по дороге на Прослауху. У одного дома соседки судачили о бывшем на постое «фельдфебеле».

– У нас на постое был фЕнь-телебЕнь.

– Ой маменька, не знаешь так и не говорила бы. Не фЕнь-телебЕнь, тЕлебень- тЕлебень.

Ближе к полудню на дорожке за Кулундой появились вооруженные верховые, трое – разведка; следом за ними пылил большой конный отряд. Над головами всадников качались пики с красными треугольными флажками. Войско обмундировано кто во что горазд: в форму русской армии, мундиры чехов, англичан и Бог знает еще какие; многие и вовсе одеты, как мирные крестьяне. Вооружение тоже самое разнообразное: у кого винтовка, у кого бердана, тот с саблей, многие с самодельными пиками. За ними пылил, растянувшись чуть ли не на версту, большой обоз: на некоторых телегах по десятку партизан, на других различный скарб, несколько раненых или больных, на той пулемет «Максим», на следующей навалены какие –то мешки, ящики. Отряд втягивался в село. Рядом бежали мальчишки, любопытный люд выглядывал из дворов, толпился у заборов.

Впереди на гнедом коне ехал командир – крепко сбитый, круглолицый мужчина, с небольшими усиками над губой, в кожанке, с ремнями портупей. На одном боку сабля, на другом наган в кобуре, на груди висит бинокль – орел! «Глядите это Игнатий Громов, сам Громов». Рядом бравый знаме-

носец высоко держит знамя. С красным полотнищем играет летний ветерок. Паренек гордо улыбается.

«Войско» вышло на площадь, растеклось по ближним улицам и переулкам. Некоторые партизаны подыскивали квартиры, многие располагались прямо на площади, пустырях и прилегающих улицах. Задымили костры – мужики стали варить кашу на ужин.

На утро объявлен сельский сход.

Мальчишки крутятся возле тачанки с пулеметом, рассматривают невиданную машину. Среди них и Степа с Ваней.

–Степка, пошли посмотрим лучше пушку.

– Да подожди ты, Ваньша. Погляди, во патроны. Здоровые и в ленту напиханы.

Усталый, запыленный, преклонных лет партизан лениво ругался, безуспешно пытался отогнать пацанов, отправить по домам. Наконец плюнул на это дело, расстелил старенькую, прожженную солдатскую шинельку прямо на мураву у телеги, и улегся отдыхать. Ящик с пулеметными лентами все –же убрал от греха под телегу, рядом с собой; не растащили бы парнишки, не дай Бог.

– Пошли, Степка

–Ладно, идем. Где пушка –то ?

– Вон возле церкви.

– Идем.

Солнышко низенько. Жара спадала.

Мальчишки потянули к дому. Вон и табун уже показался на дороге за речкой. Надо встречать свою скотинку, заставить в загоны, помогать с управой.

На следующий день с утра на площадь села стали собираться люди. Как положено, мужики – главы семей, дымили самокрутками, разговоры вели не спешно, строили догадки за чем собрали. Ясное дело, будут опять агитировать идти партизанить. Знали, что ночью некоторые дали тягу в колки, на заимки. Хмурились, скребли бороды – надоело прятаться самим, хлеб и скот прятать. У многих фронтовиков закопаны в укромных местах винтари, на всякий случай. Глядишь и пригодятся. А злости на колчаковцев накопилось столько, что не выскажешь. Сколько можно, в самом деле кормить супостатов?! Еще и по мобилизации выгребают молодых парней, мужиков.

Любопытные бабы и девушки тоже стояли кучками там и сям, болтали не о чем, щелкали семечки. Вокруг вились, как пчелы, ребятишки.

Но вот показалась группа всадников – Громов со своим штабом. Проехали через площадь, встали у церковной ограды. С коней не слезали.

– Тихо! – народ и так замер, смотрели, вытягивая шеи, прислушивались.

– Комиссар речь гогворить будет.

Один из верховых, человек среднего возраста, в гимна-

стерке, перекрещенной ремнями, в фуражке с красной звездой, подался не много вперед, заговорил не громко, заставляя людей напряженно вслушиваться. Постепенно разошелся, стал повышать голос, рубил рукою воздух. Степка не понимал, о чем идет речь, да и не вникал, схватывал отдельные слова: «колчаковские грабители и насильники», «контра» и «мировая революция», «до коле будете терпеть» и пр. Мужикам однако эти речи были хорошо знакомы, и поднадоели; народ заскучал. Думали, вы завтра уедете, а следом припрутся каратели. Опять начнут пороть подозрительных по сочувствию большевикам и конечно родственников партизан. Громов подвинулся к оратору, тронул его за рукав, мол закругляйся. Комиссар оборвал речь на полуслове, уступил место командиру.

«Мужики. Я много говорить не люблю, – народ одобрительно загудел. – Красная армия уже переходит Урал. Скоро погонят того Колчака аж до самого синего моря. А мы что же? Будем кормить тех кровопийц, отдавать сынов в их армию? А может хватит?! ... Вот мое слово: кто за красных становись по правую руку, кто за белых – по левую.» Громов не спеша вытянул саблю из ножен и указал ею эти места-«лево» и «право». Народ даже отшатнулся, стих шум голосов. «Этот шутковать не будет.» Кто ухмыляясь, кто поглядывая с опаской, но все перешли на «правую» половину площади. Противоположная опустела. Зазевавшаяся старуха вдруг оказалась одна посреди площади, у всех на виду.

Охнула, посеменила к народу. Раздался хохот. «Вот она белая гвардейка. Вот она ужо повоюет за Колчака.» Смех волнами ходил в народе, весело ржали конные партизаны. «Эта постоит верой и правдой за верховного правителя!»

Громов аккуратно кинул шашку в ножны. Поднял голову, усмехнулся: «Все значит за красных? Ну тогда идите, мужики, по домам, берите у кого какое есть оружие; у кого нет – куйте пики. Завтра выступаем. Вот вам и весь мой сказ.»

Народ стал расходиться, переговаривались на ходу озабоченно, тревожно. Прикидывали на чем ехать, что взять в дорогу. Некоторые правда прикидывали куда спрятаться от греха, пока партизаны не уйдут. С другой стороны, когда придет власть красных, должно будут льготы партизанам – то. А кто прятался? Тем не менее на следующий день, когда с трудом, уже после полудня, отряд вытянулся из села; численность его значительно увеличилась.

Опустевшее село погрузилось в тревожное ожидание. Что –то будет? Толи вернутся мужики толи сложат головы не знамо где. Выгонит красная армия колчаковцев, или может быть опять нагрянут в село какие ни будь чехи, с черепами и скрещенными костями на руках.

Глава 2

Середина ноября. Погода вполне себе зимняя. Добрый мороз с ветерком, невольно нагибаешь голову и отворачиваешься от ветра. Вдоль по улице метет легкая поземка. Вчера в Бaeво пришел небольшой отряд – полк «Красные орлы».

Привезли хоронить своего командира Федора Колядо. С ними много раненых. Рассказывали о большом кровопролитном бое под Солонувкой. Трое суток, плохо вооруженная, разношерстная партизанская армия держалась против трех белгвардейских полков. Пока не подошла помощь от Мамонтова. Теперь погнали беляков на Барнаул.

– Че командира-то как убило?

– Да он же всегда лез у самое пекло. А тут пулеметчик, сука, лупанул неожиданно. Ну мы назад, залегли. А под Федором коня убило и ему ноги перебило. Глядим беляки полезли, значит, захватить в плен хотят. Мы не подпускаем, стреляем, а сами тож не можем подползти – пулеметчик сука, кроет, не подступишься. Чё им, патронов у их не меряно. Федор за конем сховался, отстреливается из нагана. Его пулеметчик достаъ то же ни как не может. Ну мы подобраться к нему смогли только по темну, а он уж кровью изошол, вмерз в снег. В руке наган без единого патрона. Э-эх, какой парень был...

Мужики мрачнели, молчали. И когда уже кончится вся эта война, нет ей ни конца ни краю.

Хоронили Колядо на площади, позади сельской церкви «Покрова богородицы». Хорошо земля не успела глубоко промерзнуть. Ломами разбили верхний слой, а дальше пошла братья лопатами. Так что могилу вырыли быстро. На площади собрался народ. Стоял на конях сильно порядевший полк Колядо. Привезли гроб, обшитый красным сит-

цем.

Долго говорили речи. Клеймили колчаковских кровопийц и мировую контру. Клялись отомстить за смерть товарища.

Наконец опустили гроб в могилу, закопали. На холмик поставили деревянную пирамидку с красной звездой вместо креста – по новой моде, значит. Партизаны по команде, не очень стройно дали в воздух залп из винтовок. С церковной крыши взлетели в синее небо, напуганные голуби. Прогрел еще залп и еще один. Эхо гулко раскатилось по селу. Ну, вот и все, управились. Народ стал расходиться по домам. Партизаны собирались, строились. Потихоньку выдвинулись на каменскую дорогу.

Притихший, замерзший Степа шел с матерью домой. Мальчик думал о смерти. О том, что вот был человек, а теперь лежит в гробу под мерзлой землей. Страшно – то как. Вот и тятя, убитый на германской войне, тоже лежит где – то далеко, в какой-то Галиции, что ли. Его ни кто не привез хоронить в родное село. Мальчик смутно помнил, как отец прощаясь поднял его на руки, поцеловал на прощание и все; больше он его уже ни когда не видел. И зачем это люди все время воюют? Убивают друг друга?! Вспомнилось, как летом стоял, смотрел на окапывающихся солдат. Было интересно. Оказывается ни чего интересного тут нет. Люди палят друг в друга, как сошли с ума. Жили бы себе спокойно, тихо – мирно. Хлеб растили...

Мело уже по – хорошему, и мороз к вечеру только креп-

чал. На земле было выюжно, холодно и не уютно.